

УДК 81'42, 81'371

Кривоносова М. А.*Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове)***ЗМЕЙ (ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЙ, ЗМЕЯ) КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ УЗУАЛЬНЫХ И АВТОРСКИХ СИМВОЛИЧЕСКИХ
ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА**

Аннотация. В статье представлено изучение феномена символа, а также символического значения слова как лингвистических категорий; предложено системное и последовательное описание языкового символа *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*), функционирующего в поэзии Максимилиана Волошина; определены условия эксплицирования словом *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*) общекультурных узувальных и индивидуально-авторских символических значений в рамках идиостиля писателя; раскрыты принципы организации ассоциативно-смыслового поля рассматриваемого символа.

Ключевые слова: символ, символ змей, символическое значение, система значений символа, Максимилиан Волошин.

M. Krivonosova*Bryansk State University***ЗМЕЙ (ЗМИЙ, ЗМЕЙ, ЗМИЙ, ЗМЕЯ) AS A WAY OF REPRESENTATION
OF COMMON CULTURAL USUAL AND AUTHOR'S SYMBOLICAL MEANINGS
IN MAXIMILIAN VOLOSHIN'S POETRY**

Abstract. The article presents a study of a phenomenon of a symbol and also a symbolical word meaning as linguistic categories; it suggests systematic and consistent description of a language symbol *змея* (*змий, змей, змий, змея*) that functions in poetry of Maximilian Voloshin. The article defines the conditions of explication by a word a snake of common cultural usual and personal and authoring symbolical meanings within the writer's ideostyle; it reveals the principles of the organization of an associative and semantic field of the considered symbol.

Keywords: symbol, symbol snake, symbolical value, system of values of a symbol, Maximilian Voloshin.

В настоящее время можно констатировать возросший интерес к символике, символу как предмету философского, историко-культурного, семантического, психологического анализа.

В этой связи исследование символического значения слова с учётом особенностей индивидуально-авторского словоупотребления (нашедшего отражение в организации поэтических текстов) представляет особый интерес и даёт материал для более широких обобщений относительно роли и функционирования символов в языке и культуре.

© Кривоносова М. А., 2014.

Поэтому лингвистическое исследование, посвящённое рассмотрению символа как некоторой единицы в масштабе одного художественного целого – поэзии Максимилиана Волошина – представляется весьма важным.

Символ – особый знак, который уже в своей внешней форме «заключает в себе содержание выявляемого в нём представления» [4, с. 13–22]. То есть символ в широком семиотическом смысле «есть знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания» [15, с. 125]. В своём понимании этого понятия мы опираемся на концепцию Ю.М. Лотмана: «Символ и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, т. е. обладает некоторым замкнутым в себе значением и отчётливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста» [6, с. 147].

Итак, считаем возможным определить символ как знак, имеющий архетипическую нагрузку и реализующий образное значение.

Символическое значение понимается нами, вслед за О.Г. Пестовой, как «разновидность значения слова, в котором устойчивая ассоциативная или конвенциональная связь символизирующего и символизируемого мотивирована особой социальной функцией денотата символизирующего» [10, с. 149]. Таким образом, можно констатировать, что символическое значение может быть сведено к пониманию некоего глубинного смысла в значении слова, который реконструируется в рамках определённой культурной парадигмы.

И всё-таки справедливым будет предложение А.Ю. Нестерова, предлагающего признать нормативным двойное определение символа, когда, с одной стороны, «собственно символ существует как символическое (невыводимое из знакового механизма и тем самым незнаковое) значение, само по себе ухватываемое как акт трансцендирования риторического значения знака»; с другой стороны, «символ как знак (или вообще нечто материальное) есть знак некоторой риторической системы в целом (целостного текста), функционирующий в состоянии модели, обогащённой символическим (трансцендентным) значением» [8, с. 19].

Обобщая сказанное, следует признать, что исследование символа строится по двухуровневому принципу: «на уровне синтагматических отношений реализуется символическое значение, на уровне парадигматики – сумма символических значений формирует текстовую модальность» [13, с. 310].

Основываясь на данных теоретических предпосылках, рассмотрим особенности функционирования номинации *Змей* (*Змий*, *змея*, *змий*, *змея*) в стихах Максимилиана Волошина.

Змей является одним из наиболее древних, сложных и противоречивых анималистических символов. Он распространён практически во всех культурах, причём в каждой из них связывался как с положительным, так и с отрицательным началами: «Символика защиты и разрушения, объединяющая... мифы о змеях, показывает, что змея имеет двойственную репутацию, является источником силы, если её правильно использовать, но потенциально опасна и часто – эмблема смерти

и хаоса, так же как и жизни. Двойственность репутации змеи, её символизм, балансирующий между страхом и поклонением, повлияли на то, что она предстаёт то в образе прародителя, то в образе врага, считается то героем, то монстром» [14, с. 116-117]. Однако на первый план в символике змеи выступает её негативная сторона, связываемая со смертельной опасностью ядовитых укусов. Эта особенность нашла отражение в речи: «хитрый (лживый), как змея», «настоящая змея», «изворачиваться, как змея», «пригреть на груди змею», «змея подколодная».

В «Словаре славянской мифологии» отмечается, что змея «в воображении народа является живым олицетворением всего нечистого, возбуждающего смешанное с ужасом отвращение, всего злого, лукавого, вредоносного» [11, с. 155]. Кроме того, упоминается Змей Горыныч, представитель злого мира, порождение нежити-нечисти [11, с. 89-90], и Змей Огненный, змеевидный демон, наделённый антропоморфными чертами [11, с. 90-91]. Этот факт говорит не только об общекультурной значимости данного символа, но и о важной его роли в славянской традиции.

Фундаментальное издание Н.В. Павлович «Словарь поэтических образов», в котором выстраиваются парадигмы символических значений, предлагает следующую словарную дефиницию: «Змея → другое существо (человек: воин; божество или мифологическое существо: бес); Змея → орудие (пронизывающие или режущие орудия); Змея → растение (трава и злаки); Змея → вода; Змея → драгоценное; Змея → вещество; Змея → ментальное; Змея → экзистенциальное; Змея → веревка» [9, с. 120-121].

В стихах Максимилиана Волошина план выражения исследуемого символа не всегда одинаков: *Змей, Змий, змей, змий, змея*. Символические значения номинации *Змей (Змий, змей, змий, змея)* обусловлены семантикой контактно и дистантно употребленных лексем, концепцией конкретного стихотворения, идиостилем поэта. Контекст произведений Максимилиана Волошина позволяет выделить следующие значения данного символа:

I. *Змей (змей)* – искушение, соблазн, сам дьявол; всемирное зло;

II. *Змеи* – атрибуты военного времени (множество окопных линий, лучи прожектора);

III. *Змий* – Змей Горыныч;

IV. *Змий* – человек безудержный, ненасытный, следующий животным инстинктам;

V. *Змея* – росток, всход как результат деятельности Сатаны;

VI. *Змей (змея)* – мифологическое существо, активный деятель зла, злодей;

VII. *Змей* – бунт, восстание, протест;

VIII. *Змий* – разум, бесперспективность научного знания;

IX. *Змея* – «цепь жизни»; страдания, целенаправленно укрепляющие дух;

X. *Змея* – познание;

XI. *Змей* – Париж как «нервный узел Европы»;

XII. *Змея* – жизненная энергия, внутренняя сила.

Проиллюстрируем представленную нами структуру контекстом.

1. *Змей* – 'искушение, соблазн, сам дьявол'. Первый уровень ассоциаций связан с христианской культурой и может объясняться, исходя из библейского толкования: змея «служит оли-

цетворением сатаны (сцена в раю), в то же время жезл, превращающийся в змею и обратно, помогает Моисею отправиться в пустыню» [1, с. 96]; «в западном искусстве змея стала основным символом зла, греха, искушения или обмана» [14, с. 120].

Так, *Змей* в стихах Максимилиана Волошина – это ‘искушение, соблазн, сам дьявол’, «посеявший волю к свету» в душе человека: «Я верен тёмному завету:/ “Быть всей душой в борьбе!”/ Но *Змей*,/ Что в нас посеял волю к свету,/ Велев любить, сказал: “Убий”» [2, с. 148].

В строках: «Я глас вопиющего в дикой пустыне:/ Пути приготовьте для Господа ныне!/ О вы, порожденье ехидны и змея!/ Ещё ведь не поздно! Покайтесь скорее!..» [3, с. 304] – «порожденье ехидны и змея» необходимо понимать как образы античных мифических чудовищ (Химеру, Орфа, Цербера), рождённых ехидной и Тифоном (змеем). Считаем возможным определить, что в данном микроконтексте реализовано (имплицитно) следующее символическое значение: *змеи* = ‘всемирное зло’ (= античный Тифон = христианский Сатана, угрожающие человеческому роду).

2. На втором уровне ассоциаций *змеи* – ‘атрибуты военного времени (множество окопных линий, лучи прожектора)¹: «Время как будто опрокинулось,/ И некрещённым водою Потопа/ Казался мир: из тины выползали/ Огромные коленчатые гады,/ Железные кишки пауки,/ Змеи глота-

¹ К адским созданиям Максимилиан Волошин приравнивает и машины, наводнившие мир, отмечая, что «демоны, для которых человечество построило стальные и медные тела, органически ненавидят создания искусства, создания духа» [3, с. 652].

ли молнии,/ Драконы извергали/ Сноп огня и жалили хвостом...» [3, с. 41]. Или – «И было видно: осветлённый/ Сияньем бледного венца,/ Как ствол дорической колонны,/ Висел в созвездии Тельца/ Корабль. С земли взвивались змеи,/ Высоко бил фонтан комет/ И гас среди звёзд Кассиопеи» [2, с. 239]. Максимилиан Волошин, описывая налёт на Париж дирижаблей в период Первой мировой войны, видит в разрушительных лучах огня и света змей.

3. *Змий* – ‘Змей Горыныч’ (змея на национально-культурном поле) раскрывается в «Стенькином суде»: «У великого моря Хвалынского,/ Заточённый в прибрежный шихан,/ Претерпевый от змия горынского,/ Жду вестей из полуношных стран» [2, с. 276]².

4. *Змий* – ‘человек безудержный, ненасытный, следующий животным инстинктам’. В поэме «Протопоп Аввакум»: «И всё-то у Христа для человека наделано./ Его же дние в суете, как тень, проходят:/ Он скачет, что козёл,/ Съесть хочет, яко змий,/ Лукавствует, как бес,/ И гневен, яко рысь» [2, с. 306].

5. *Змея* – ‘росток, всход как результат деятельности Сатаны’: «В осенний день по стынущим полянам/ Недобрый Сеятель/ В годину Лжи и Гнева/ Рукою щедрою посеял.../ Бед/ И ненависти колос,/ Змеи плевел/ Взойдут в полях безрадостных побед» [2, с. 226]. В этих строках – прозрачная параллель с евангельской притчей о пшенице и плевелах (Матфей. XIII. 24-30). Однако в стихах Максимилиана Волошина *Недобрый Сеятель* (= дьявол, сатана) засеял мир *плевелами бед и ненависти* →

² Волошин обращается к старому народному преданию, по которому сердце Стеньки в горе «с восхода до заката» сосёт «великий змей» [2, с. 533].

адский урожай взошёл змеями.

6. *Змей (змея)* – ‘мифологическое существо, активный деятель зла, злодей’: «Но пусть огонь и жалит и язвит/ Певучий дух, задушенный телами, –/ Лаокоон, опутанный узлами/ Горючих змей... напрягся и молчит» [2, с. 123]¹.

Античный миф отразился и в строках: «Но не вольна праматерь Гея/ Рожать сынов. Пифон умолк,/ И сторожат пещеру змея/ Священный лавр, дельфийский волк...» [2, с. 110]. Чтобы установить свой культ в Дельфах, Аполлон должен был убить Пифона – дракона-кормильца ужасного монстра Тифона. Этот миф можно истолковывать как борьбу светлых сил со змеем (источником зла, активным его деятелем)². Символ *змея* как зло побеждённое повторяется в тексте при описании Святилища (оракула) Аполлона в Дельфах: «И где колчан с угрозой звякал/ И змея бог стрелой язвил,/ Вещает праведный оракул,/ И горек лавр во рту сивилл» [2, с. 111].

7. *Змей* – ‘бунт, восстание, протест’: «Он создан был безумным Демиургом./ Вон конь его и змей между копыт:/ Конь змею – «Сгинь!», а змей в ответ: «Resurgam!»/ Судьба империи в двойной борьбе:/ Здесь бунт, – там строй; здесь бред, – там клич судьбе» [3, с. 417]. В автографе Максимилиана Волошина под текстом стихотворения

сохранилась приписка: «Написано... в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» [3, с. 701]. Это авторское замечание позволяет увидеть в *Демиурге* на коне Петра I, которому противостоит *змея* как воплощение *бунта, бреда* и *восстания* (Resurgam – Восстану (лат.)). Среди контекстуальных антонимов – *конь* – *змея*, *бунт* – *строй*, *бред* – *клич судьбе* – первые репрезентируют светлую сторону в противостоянии, вторые – тёмную. Этот корреляционный стержень стихотворения позволяет говорить о том, что семантика символа *змея* содержит семы ‘бунт’, ‘бред’³.

8. *Змий* – ‘разум, бесперспективность научного знания’: «...И разум, исследивший все пути,/ Наткнулся сам на собственные грани:/ Библейский змий поймал себя за хвост» [3, с. 26]. В последней строке символ материализуется: «Библейский змий поймал себя за хвост». Определение *Библейский* эксплицирует пейоративную оценку символа *змий* (‘искушающий, ведущий к греху прочь от истины’). Вместе с тем образ *змея*, кусающего себя за хвост (греч. уроборос), олицетворяет «вечное возвращение в циклической форме или вечность вообще» [1, с. 96-97]. Важно также отметить, что Волошин

¹ Лаокоон – трагический герой последнего дня троянской войны, в одиночку пытавшийся разрушить вражеский дар, за что был наказан богами: задушен змеями [5, с. 188-189].

² Примечательно, что в творческой тетради Максимилиана Волошина Дельфы ассоциируются с «логовом змея» [1, с. 470], которое в поэтическом переложении воплотилось в «змиево гнездо» [1, с. 110], то есть поэт отказался от прямого использования слова-символа, заменив его дериватом.

³ Кроме того, антитеза, на которой построено стихотворение, проявляется не только на лексическом и синтаксическом уровнях, но и поддерживается глубоким смысловым противостоянием анималистических символов: «Мифологическим антиподом змеи считается конь... Воин на коне, повергающий змея, является весьма распространённой символической композицией у различных народов» [12, с. 187]. Ср. – «Песнь о вещем Олеге», сюжет о Георгии Победоносце.

определил тему стихотворения как «аскетизм науки» [3, с. 661], научное любопытство человечества снова и снова будет обречено на тупик, но не приведёт к истине. Отсюда *змей* – ‘бесперспективность научного знания’.

9. *Змея* – ‘цепь жизни»; страдания, целенаправленно укрепляющие дух’: «С грустью принимаю/ Тягу древних змей:/ Медленную Майю/ Торопливых дней» [2, с. 63]. Семантику этого символа помогают раскрыть размышления самого Максимилиана Волошина в письме М. Сабашниковой: «Надо спуститься добровольно в мир. Смирено, своей волей надеть цепь жизни, «тягу древних змей»...Примем на себя тягу всего человеческого» [2, с. 454]. Синтаксическая конструкция стиха подразумевает, что вторая часть предложения поясняет первую, в том числе и символическое наполнение номинации *змея*. В этой связи примечательно, что омоним Майя, восходящий к индийской мифологии, сам по себе глубоко символичен¹. Отсюда: *змея* ↔ *Майя* = ‘цепь жизни’.

10. *Змея* – ‘познание’: «Здесь все есть символ, знак, пример./ Какую повесть зла и мук вы/ Здесь разберёте на стенах?/ Как в этих сложных письменах/ Понять значенье каждой буквы?/ Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч.../ Закрыта дверь. Потерян ключ» [2, с. 53].

Змея как ‘символ познания, источник страдания и боли’ раскрывается в контексте: «Но семь цветов разъяты в

¹ Волошин включал в это понятие «обман рдяного человеческого дыхания, обману воспалённых слов», окружающих человека в городе (необходимо победить Майю); называл Майей ‘цепь жизни», «тягу всего человеческого»: страдания, любви, чувства и чувственности, рамок и цепей (необходимо принять) [2, с. 454].

каждой доле/ Одной симфонии. Не оттого ли/ Отливами горю я, как змея?.../ Ключ, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!» [2, с. 201]. Это значение символа поддерживается всей структурой сонетов «Два демона»: «Сатана у Волошина очеловечен до последней степени: он освящён страданием Прометея, он сближается чем-то со Спасителем. Абсолютной антигуманности первого демона противопоставлена предельная гуманность второго» [7, с. 66]. *Змея* в этом контексте – не только христианский символ познания, но и сам Прометей, традиционный символ прекрасного, но и неизбежно страдающего добра.

11. *Змей* – ‘Париж как «нервный узел Европы»’. В стихах Максимилиана Волошина *Змей* связан с описанием ночного Парижа и наделён мейоративной окраской: «Город-Змей, сжимая звенья,/ Сыпет искры в алый день...» [2, с. 22]. Свое отношение к этому городу поэт сообщал в письме А.М. Петровой: «Он меня совсем покорило, уничтожил и влюбил в себя... Париж – нервный узел всей Европы, солнечное сплетение ее чувствующих и сознающих тканей» [2, с. 440].

12. *Змея* – ‘жизненная энергия, внутренняя сила’: «Кто сказал: «Змеёю препояшу/ И пошлю»?.. Ликуя и скорбя,/ Возношу к верховным солнцам чашу,/ Переполненную светами, – себя...» [2, с. 167]. Словосочетание *змеёю препояшу*, вероятно, отсылает к теософскому понятию «кундалини»². Но, вместе с тем, эти строки могут

² «В эзотерических системах азиатского происхождения змея “кундалини”, свернувшаяся в клубок у нижнего конца позвоночника, символизирует жизненную энергию, которую следует разбудить и развить путём медитации» [1, с. 97].

быть реминисценциями библейских эпизодов: рассказ аввы Евстафия об искушении бесами, явившимися ему в виде эфиопов: они «схватили меня и <...> змеёю препоясали меня по моим чреслам» (Еп. Игнатий (Брянчанинов) Отечник. СПб, 1903, с.118); слова Иисуса, обращённые к Петру: «... другой тебя препояшет, и поведёт, куда не хочешь» (Иоанн. XXI. 18).

Учитывая вышесказанное, можно констатировать:

1. Символ понимается нами как знак, имеющий архетипическую нагрузку и реализующий образное значение.

2. Символическое значение – некоторый глубинный смысл в значении слова, реконструируемый в рамках определённой культурной парадигмы.

3. Общекультурное узуальное значение символа может расширяться, раскрываясь посредством семантики контактно и дистантно употреблённых лексем, концепции конкретного стихотворения, а также идиостиля поэта.

4. Так, в системе значений символа *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*) в поэзии Максимилиана Волошина семы на I, III, VI, XII ассоциативных уровнях репрезентируют общекультурное узуальное значение символа, а на II, IV, V, VII, VIII, IX, X, XI ассоциативных уровнях – индивидуально-авторское (как результат текстовой модальности, фиксированный посредством расширения узуального символического значения).

5. Представленная нами полисемантическая природа символа *Змей* (*Змий, змей, змий, змея*) определена как экстралингвистически – глубоким общекультурным содержанием символа, так и внутрilingвистиче-

ски – гиперсмысловой нагрузкой слова в контексте идиолекта Максимилиана Волошина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
2. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2003. 608 с.
3. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891-1931 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2004. 768 с.
4. Гегель Г.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1969. 326 с.
5. Замаровский В. [Zamarovsky V.] Боги и герои античных сказаний: словарь / Пер. с чеш. М.: Республика, 1994. 399 с.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 703 с.
7. Менделевич Э. С. «Пойми простой урок моей земли...» (Статьи о Максимилиане Волошине) / Вступ. ст. В.И. Цветкова. Орёл: Труд, 2001. 160 с.
8. Нестеров А.Ю. Проблема символа в литературном произведении: текст и читатель в акте моделирования эстетического объекта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 23 с.
9. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 798 с.
10. Пестова О. Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики: на материале русского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988. 162 с.
11. Рябошлык Н.П. Словарь славянской мифологии. М.: Центрполиграф, 2009. 238 с.
12. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия/ В.Э. Багдасарян и др.; отв. ред.

- В.Л. Телицын. 2-е изд. М.: ЛОКИД-ПРЕСС: РИПОЛ классик, 2005. 495 с.
13. Стародубец С.Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 519 с.
14. Трессиддер Дж. Словарь символов/ Пер с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
15. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125-142.